

Историк-марксист. 1935, № 5. С.142-149

Сергей Иванович Архангельский

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII В. И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИИ *

I

Английская революция сопровождалась большими переменами в составе английских землевладельцев. Эти перемены нашли отражение в аграрном законодательстве революционной эпохи, начиная с ордонанса 27 марта 1643 г. Расплывчатые условия Бредской декларации 4 апреля 1660 г. открывали собой новый этап аграрного законодательства уже эпохи реставрации, частично восстановившей феодальное землевладение. Аграрное законодательство, распространившееся на владения роялистов, англиканской церкви и короны, слагалось из постановлений о передаче этих владений агентам государственной власти, о порядке продажи владений, об извлечении из земли наивысших доходов к выгоде государства, об обеспечении секвестрованными владениями государственных займов, сделанных в эпоху революции у богатых граждан, об обеспечении прав на землю новых владельцев в такой степени, чтобы их титул владения был совершенно легальным и бесспорным.

Аграрное законодательство революции может служить удобным объектом для наблюдения за теми переменами, которые происходили в земельных порядках страны в середине XVII в., и прежде всего для наблюдения за мобилизацией феодального землевладения. Никогда прежде и никогда впоследствии в сравнительно короткий период времени (1643—1660 гг.) не мобилизовалась при помощи правительства, а отчасти без его помощи, такая масса земли, притом такие земельные фонды, которые до того времени имели на себе печать священного или традиционного табу (земли епископов, деканов и капитулов; земли короны; лесные земли). Эта мобилизация разрывала старую, порой очень обветшавшую ткань земельных отношений на местах, облегчала доступ к земле расущей буржуазии, располагавшей денежными средствами и дерзко попиравшей старинные запреты. В то же время, когда это было нужно, буржуазия использовала старые юридические нормы феодальных отношений¹.

По содержанию аграрного законодательства революции, его принципам и выработке его парламентом можно судить о борьбе классовых интересов вокруг этого законодательства. Но еще конкретнее выступает эта борьба в документах комитетов, работавших над проведением его в жизнь, в памфлетах эпохи, в переписке отдельных лиц, в мемуарах современников. Это дает возможность подойти к углубленному изучению революции с учетом множества мелких местных перемен в распределении земли, способах ее ис-

* Сокращенный текст доклада, прочитанного в Институте истории Коммунистической академии 28 декабря 1934 г.

¹ Подробные данные о мобилизации земель роялистов, церкви и короны мною приведены в «Историке-марксисте» № 5 за 1934 г.

пользования, конкретных примеров того обострения противоречий, которое было вызвано ростом капиталистических отношений в деревне.

А. Н. Савин и Леннард, изучая историю английской деревни XVII в., наблюдали перемены в отдельных манорах путем сравнения их описаний за разные годы на протяжении трех-четырёх столетий. На долю революционной эпохи приходилось одно из описаний, которое надлежало сравнивать с более ранним и с более поздним описанием того же манора и на основе сравнения юридических описаний разрешать вопрос о переменах, внесенных революцией. При этом конечно из поля зрения выпадали борьба на местах из-за земли, из-за хозяйственных распоряжений, которая развернулась в эпоху революции, правительственная земельная политика, усилия старых собственников вернуть землю, новых — использовать ее на иных началах, чем прежде, держателей — оградить свои интересы от тех и других, фермеров — снять землю на выгодных условиях. Ускользает из поля зрения и тот новый человек, который в эпоху революции становится землевладельцем или фермером и который часто был выходцем из городского населения, скупал земли в разных местах Англии. Если ограничиться одним сравнением описания маноров, трудно будет уловить все сдвиги в экономической системе, все многообразие экономических и юридических связей. Работа над описанием манора слишком изолирует наблюдателя от всего потока исторической жизни. Работа над законодательством революции и над преломлением его в местной жизни открывает более широкую картину борьбы отдельных классов общества за землю.

II

Огораживания земель, представлявшие собой узурпацию общинных земель и сгон крестьян с занимаемых ими участков, как известно из исторической литературы, не прекращались в течение XVII в., захватывая 40-е и 50-е годы этого века и продолжаясь после революции. Законодательство революции не содержит постановлений о регулировании огораживаний и о борьбе с ними; не было издано ни одного ордонанса или акта, посвященного этому вопросу. Надо однако отметить, что 19 декабря 1656 г. в парламент был внесен билль, касавшийся регулирования раздела общинных земель. В дневнике Бэртона сообщение об этом передано так: «Хранитель свитков (Master of the Rolls) был против билля, так как ему никогда не был по душе ни один билль, касавшийся собственности. Нельзя сделать хорошим билль, который в себе имеет некоторую несообразность — заставить власть определять собственность через третьих лиц. Было время, когда я едва ли бы рискнул доверить мировому судье определить пастбище для коровы; у вас теперь хорошие мировые судьи, но кто может сказать, что может быть впоследствии?»

Инициатор билля, майор-генерал Уэлли (Whally), сказал: «Я скорее потеряю, чем приобрету благодаря этому биллю, ибо у меня нет общинных земель; все мои земли уже огорожены. Билль имеет в виду общее благо: предупредить обезлюдение и ослабление интереса к земледелию, которое является большой поддержкой для республики. Билль имеет в виду вручить власть не трем комиссарам, а мировому суду».

Мистер Тоуэл сказал: «Это самый вредный билль, который когда-либо предлагали палате. Он принесет полное обезлюдение и разрушение собственности».

Решили этот билль не читать второй раз. Решили этот билль отвергнуть».

Мы привели эту выдержку из дневника Бэртона, для того чтобы вскрыть борьбу между сторонниками и противниками законодательного регулирования огораживаний, очевидно, имевшую место тогда в Англии. Противники законодательного регулирования стояли на страже охраны прав собственни-

ков. Невмешательство во взаимные отношения лендлорда и общинников-крестьян было их лозунгом. В 1664 г. снова была сделана попытка провести через палату общин билль «об огораживании и об улучшении общинных земель пустошей» (to enclose and improve commons and waste lands), но билль был отклонен 105 голосами против 94. В 1666 г. в палату лордов был внесен билль об утверждении огораживаний, сделанных на основе приговоров в судах справедливости (in courts of equity), но он застрял в комитете палаты.

В 1696 г. был предложен, но отвергнут билль о разъяснении Мертонского и других статут об улучшении общинных земель. Едва ли можно сомневаться в том, что эти законодательные попытки отражали в себе движение к огораживанию, совершившееся в стране вне каких-либо легальных форм. Об огораживании говорит и публицистика XVII в. Однако наметить контуры этого движения легче, чем точно определить его размеры, интенсивность и районы в рамках отдельных десятилетий.

Какие же моменты можно установить для эпохи революции? Акт 22 ноября 1653 г., относившийся к лесным землям короны и имевший в виду организовать их распродажу, предусматривал размежевание и огораживание лесных земель и различных угодий (находившихся в общем пользовании сельских жителей), обеспечивая интересы покупателей этих земель. Огораживание и мелиорация лесных земель рассматривались как дело, содействующее общему благу и общественной пользе. Огороженная недавно общинная земля освобождалась от обложения.

Одна часть лесных земель подлежала продаже и освобождалась от всех лежавших на ней прежде обязательств и сервитутов, т. е. могла быть огорожена, окопана и перепродана. Другая часть земли передавалась крестьянским общинам в виде вознаграждения за потерю общинных угодий; если эта земля в течение двух лет не будет разделена сторонами, которым она назначена, то опекуны, к которым переходили от короля лесные земли, могли назначить в продажу в пользу республики $\frac{1}{4}$ такой земли, которая не будет огорожена и разделена или оставлена в общем владении. Инструкция для переписчиков лесных земель предусматривала определение того количества изгородей, которое должны были сделать покупщики земли и их ближайшие соседи по владению. Акты гротектората от 21 и 30 августа 1654 г. и 16 июня 1657 г. интересны в том отношении, что они не только расширяют территорию лесных земель, подлежавшую распродаже, но и проводят более строгий учет и точную опись владения, отражают борьбу за землю и производят как бы «чистку путей» для развития капитализма. Комиссары для описи должны были выяснить, какое количество общинников предъявляет свои права на общинные земли, какое количество скота выгоняется здесь ежегодно общинниками, какие присвоения чужой земли, огораживания, недавние возмущения или захваты имели место. Изгороди ставились под охрану статута 43-го года царствования Елизаветы «для наказания тех, которые будут ломать плетни или какие-либо изгороди». Проверка прав коттеджеров и выяснение того, какие ренты они платят, должны были установить, какой коттедж может остаться и какой должен быть снесен. Опубликованные описи коронных земель графства Соссекс 1649—1659 гг. показывают, что коттеджи действительно делились на подлежавшие сносу как вредные для парка и подлежавшие сохранению².

Большие огораживания в эпоху революции и ожесточенная борьба огораживателей с местным сельским населением имели место на территориях, добытых для культуры через осушку. Это были два крупных района: один — Hatfield chase в Йоркшире, Линкольне и Ноттингеме, другой — большая

² «Sussex Archeological Society», Vol. XXIII, p. 301—302, описание манора Dudleswell.

топь (the great level of fens) в графствах Норфок, Сеффок, Кембридж, Гентингтон и Норземптон; его осушкой занималась особая компания, легализованная правительством республики и протектората. Акт 26 мая 1654 г. грозил взысканием убытков в двойном размере за разрушение сооруженных плотин и шлюзов. Мы знаем из письма Кромвеля от 23 апреля 1653 г., что разрушение плотин и шлюзов имело место.

В этих двух районах огораживания появились в результате больших предварительных работ по осушке местности, по приведению ее в культурный вид. Однако эти блага доставались не местному населению, лишавшемуся прежних угодий, а компании акционеров, влагавших в дело капитал.

Следует особо отметить, что в журналах палаты лордов и палаты общин за время с 1641 г. до середины 1643 г. мы нашли зарегистрированными 43 случая крестьянских выступлений в разных графствах Англии. Большинство из этих выступлений было направлено против огораживаний; они выражались в уничтожении изгородей, в выгоне скота на ранее огороженные земли, в разрушении жилищ осушителей болот, присвоивших себе общинную землю. Подобных случаев приходится 25 на 43 выступления, или 58,14%. Таким образом крестьянское движение в начале революции было направлено главным образом против огораживаний. Борьба против огораживаний встречалась и на более поздних этапах революции, как видно из дел Государственного совета за 1649—1659 гг.

Известно, что новые владельцы земель эпохи революции решительно ломали исконный уклад деревенской жизни. М. Ковалевский приводит один пример из жизни графства Рутленд и другой — из жизни графства Стаффордшир. Ломка порядков на купленных в эпоху революции землях была значительна, но нельзя недооценивать и встречного движения, борьбы крестьян за свои старинные права, борьбы против уже произведенных огораживаний. В судебных тяжбах революционной эпохи крестьянин выступает как сторонник зернового хозяйства; он был склонен обратиться в пашню луг и парк; он охранял и при случае расширял общинные выгоны и негодвал, когда их продавали или изымали из его пользования. Свои права на землю крестьянин признавал старинными. Экономический кризис 50-х годов, вызвавший рост безработицы, понижение спроса на шерсть, большие затруднения сбыта сукна и подорожание хлеба, мог, надо думать, явиться тормозом для роста огораживаний. Выяснение всех этих моментов на архивном материале является одной из очередных проблем аграрной истории английской революции.

III

В Англии XVII в. из трех видов докапиталистической ренты, указанных в 47-й главе III тома «Капитала», преобладала денежная рента. Что касается рент орабочной и продуктовой, то они были уже редким явлением.

Денежная рента в своем развитии приводит или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность, или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором³.

Какое же место в истории денежной докапиталистической ренты занимала английская революция? Была ли эпоха революции в Англии отмечена каким-либо сдвигом в том направлении, которое указал Маркс, когда он писал, что при денежной ренте традиционное, обычно правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо

³ К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 8-е, Москва, Партиздат 1932, с. 575.

превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение?

Прежде всего необходимо определить, чем была английская денежная рента в изучаемую эпоху. О характере английской ренты позволяют судить ордо-нансы парламента о взимании налогов с земли, в которых различались ренты рыночные, близкие к годовой доходности земли, и ренты легкие или малые (*ease of small*) и пониженные; в первом случае налог взимался с лендлорда, во втором он распределялся между лендлордом и держателем земли. Описи владений делинквентов (*particulars ofertates*), содержащие в себе краткий перечень доходов, также позволяют составить характеристику денежных рент.

В указанном документе выступает много архаического и локального в этих рентах. Можно сказать, что между денежной рентой, какой она стала после коммутации, и капиталистической рентой лежит длинный ряд переходных моментов, отмеченный чрезмерно большими сроками, на которые сдается земля, а также устойчивостью регулярных низких платежей за землю, корректируемых время от времени файнами (*finés*), а иногда и ее ростом. Среди доходов делинквентов встречаются старые ренты (*old rents*), под которыми надо подразумевать низкие ренты, «не улучшенные», сохранившиеся неприкосновенными от докапиталистической эпохи, невзирая на революцию цен XVI—XVII вв. Они отмечены в 130 описях из 646, что составляет 20,12%. «Улучшенные» ренты занимали среднее положение между старыми и рыночными рентами. Старые ренты при исчислении их истинной ценности варьировались по отдельным районам Англии. Степень улучшения ренты, т. е. приближения к рыночной, могла быть различной и зависела от действия многообразных причин. Архаической чертой ренты надо считать большие сроки держания земли, иногда определяемые тремя, четырьмя жизнями и более. В документах встречались случаи держания земли, сданной на 1 000 лет. В эпоху растущего капиталистического хозяйства в Англии элементы архаизма в рентах встречались не в одинаковой пропорции во всех частях Англии. По составленной нами таблице, в которую вошли 646 описей, на востоке совсем не было старых рент; основная часть показаний о старых рентах относится к графствам, лежавшим на западе.

Перейдем к вопросу о том, какие перемены внесла английская революция в эту важнейшую область аграрных отношений. Аграрное законодательство революции показывает, что в ряде случаев оно боролось с архаической рентой.

Указ 9 ноября 1646 г. гарантировал неприкосновенность лишь лизов (*leases*), не превышавших трех жизней или 21 года, где сохранялась старая и обычная рента и где срок считался со времени более раннего, чем 1 декабря 1641 г. О том же говорил акт 30 апреля 1649 г., касавшийся продажи деканских и капитульских земель. Более неопределенно ставился вопрос в акте 25 января 1650 г., где комиссары получили право исследовать все ренты, договоры и обеспечения и давать согласие на них, если окажется, что все было сделано добросовестно (*bona fide*), или если обязательства были выданы до секвестра. Обследование могло идти с целью извлечения наибольшей выгоды из секвестрованного владения со стороны государственного агента, а путь к этому лежал через устранение архаических форм держания земли и через продвижение к аренде земли новых людей. Акт 9 апреля 1649 г. рекомендовал применить на землях делинквентов лизы на срок не свыше трех лет. Акт 25 января 1650 г. разрешал заключать лизы на срок не свыше семи лет; этот срок являлся более рациональным при условии, что арендатор затрачивает капитал на различные мелиорации. В этот срок к нему мог вернуться затраченный капитал.

Но не только правительственные агенты, но и сами лендлорды, получившие обратно земли за уплату композиции, наконец новые собственники земель вели ту же политику извлечения наиболее высоких доходов из земли путем сдачи ее в аренду на новых условиях. Попытаемся наметить некоторые конкретные черты, характеризующие нового арендатора. Один построил два амбара, произвел огораживание полей, другой купил овец, третий был арендатором 9 маноров и 3 парков, четвертый арендовал ферму, шерстобитные мельницы и земли. Встречались арендаторы — кредиторы собственников земли; их называли «людьми собственности». Они конкурировали с прежними держателями земли, предлагая более выгодные условия; дешевизна хлеба и упадок торговли рассматривались ими как убыточное дело.

Их хозяйство строилось на чисто денежных расчетах. Выразитель взглядов капиталистических фермеров в памфлетной революционной литературе, Блайс, в своем сочинении «Английский мелиоратор» (*The English Improver*) доказывал необходимость проведения закона, в силу которого каждый лендлорд должен был или вознаграждать держателя за мелиорации, или соответственно продолжить срок аренды земли. Порядки во Фландрии ставились в пример.

IV

«В истории первоначального накопления все перевороты, которые служат рычагом в процессе образования класса капиталистов, имеют историческое, делающее эпоху значение»⁴.

К числу таких переворотов конечно должен быть отнесен великий мятеж (*Great Rebellion*), как называет английскую революцию ее противник Кларендон. Понимая под первоначальным накоплением процесс отделения производителя от средств производства, Маркс указывает, что этот процесс сопровождался не только переходом земли в руки капиталистов, ликвидацией феодальной зависимости, но и отнятием у производителей гарантий существования, обеспеченных старинными феодальными учреждениями.

Анализ аграрной истории Англии 40—50-х годов XVII в. позволяет наблюдать этот процесс в разных направлениях и вариантах. Долгий парламент, издавший ряд указов о продаже сначала епископских, а позднее деканских и капитульских земель, установил проверку прав держателей земель, представление ими письменных доказательств, на основании которых они держали владение, или достаточных свидетельских показаний к определенному сроку. Новый собственник, заинтересовавшийся лизами, копиями судебных актов и другими документами держателей, на основе которых держатели епископских земель владели землей, мог проверить их права и позднее, когда епископский манор был уже куплен. Лизы, срок действия которых превышал три жизни или 21 год, считались аннулированными. В 40-х годах XVII в. внутри Долгого парламента шла борьба по вопросу о продаже земель делинквентов; в 1651—1652 гг. был издан ряд актов о продаже некоторых из этих земель. Таким образом в эпоху революции судьба секвестрованных владений светской знати могла сложиться тройным образом: 1) владение переходило в руки нового собственника, каким обычно являлся горожанин, офицер, реже джентльмен или сквайр, 2) оно возвращалось старому собственнику, уплатившему композицию за свою приверженность королю или 3) оно продолжало оставаться в распоряжении агентов государственной власти. Во всех трех случаях положение старых держателей складывалось для них не благоприятно.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, Москва, ИМЭЛ, Партиздат 1934 г., с. 814.

В первом случае держателей ожидала проверка прав на землю; правда, они получали право преимущественной покупки земли в течение тридцати дней с момента составления описи владения, но никакой реальной помощи для этой покупки им дано не было. Во втором случае, когда владение возвращалось старому собственнику, держатель должен был прибегнуть к добровольной продаже земли, ипотеке, к новой системе эксплуатации или наконец к изодренной старой эксплуатации при использовании старых форм зависимости. Вопрос об охране прав благонамеренных держателей против опальных лендлордов, как мы уже указывали, неоднократно ставился в парламенте и в 40-х и 50-х годах XVII в., но здесь восторжествовал принцип невмешательства. Политика лендлорда состояла в требовании реит, уплаченных комитету секвестра в отсутствие лендлорда, в обращении копигольдов в лизы, в сгоде старых держателей и замене их новыми, обещавшими более высокие платежи, в понуждении к барщинной работе на полях лендлорда в ту пору, когда «гибнет их держательская жатва от недостатка рабочих рук», в проявлении монопольных прав на лес, во взимании высоких гериотов с наследников все более дробившихся земель, в преследовании строптивых держателей судебными процессами. «Лендлорды благодаря своей власти и произволу нарушают все наши старые обычаи и отнимают все наши старые и справедливые привилегии, возлагая на нас бремя, которое ни мы, ни наши земли не в состоянии вынести, делая нас слугами и крепостными, обращая нас и потомков наших навеки в жалкую нищету». Так гласила одна из крестьянских петиций. Политика лендлорда преследовала одну цель: повысить доходы от земли, а этого можно было достичь отделением мелкого производства от средств и орудий производства.

Если земля оставалась в распоряжении агентов государства, то она сдавалась арендатору для извлечения из нее дохода и получения улучшенной ренты. Арендатор теснил прежних держателей, плативших старые фиксированные ренты. Бывали случаи изгнания их с владений. Если владение оставалось в распоряжении местного комитета, положение держателя становилось от этого немногим лучше, так как политика комитета состояла в получении наибольших доходов с владения.

Намеченный нами процесс охватывает держателей земли церкви и светской знати, ставшей на сторону короля. Этот процесс нуждается в дальнейшем изучении на основании описей секвестрованных владений для выяснения как деталей этих сдвигов, так и количественного их выражения.

В 50-х годах XVII в. был опубликован ряд актов о продаже владений короны и лесных земель. Здесь мы наблюдаем другие явления процесса первоначального накопления. Применялась проверка прав коттеджеров, т. е. наименее обеспеченного землей сельского населения, которое владеет клочками земли. Эта проверка, как показывает опись коронных земель Соссекского графства, сопровождалась ликвидацией части коттеджей в парках. Общинные сервитуты на лесные земли пересматривались и, судя по разверстке земель, — к выгоде крупных скотовладельцев. Крестьянская община на лесных землях полностью не разрушалась, но подрыв ее экономической уравнительной основы был значительным.

Борьба за леса сопровождается массовыми крестьянскими выступлениями, особенно усилившимися в 50-х годах XVII в.

В Ирландии, в этом колониальном придатке развивавшегося английского капитализма, первоначальное накопление протекало особенно бурно. Десятки тысяч населения сгонялись с земли; на Зеленом острове насаждалась английская земельная собственность; ее представителями должны были стать купцы-авантюристы, офицеры и солдаты. Уже первый акт 12 августа 1652 г. перечислял множество категорий ирландцев, которые или совсем лишились земли или $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$ своего земельного владения. М. James в ра-

боте «Social problems of the Puritan revolution» констатирует рост числа бедных в Лондоне, в его окрестностях и в различных графствах Англии в эпоху революции. Автор рисует эту бедность на фоне развала старой центральной и местной администрации, заботившейся о бедных при Тюдорах и Стюартах, на фоне разорения страны, причиненного гражданской войной. Мы ставим рост бедноты в Англии в 40—50-х годах XVII в. в прямую связь с теми сдвигами, которые происходили в деревенской жизни Англии. Акт 1662 г. о лучшей помощи бедным констатирует непрерывный рост числа бедных и в пределах Лондона и в пределах всего королевства Англии и Уэльса. Этот момент был уже далек от эпохи гражданских войн. Едва ли случайно Чамберлен, автор сочинения «Защитник бедного человека», предлагал для улучшения участи бедных национализировать коронные и церковные земли и разгородить загороженные.

V

Земельное право составляло один из важнейших отделов гражданского права Англии XVII в. Оно оформлялось или в виде обычного права, права отдельных маноров, или в виде общего права. Противоречивость двух систем права, местной и национальной, исторические наслоения, перепутанность отжившего и нарождавшегося—все это давало основание для критики и порождало различные проекты реформы права — от полной отмены всего старого до некоторых частичных поправок.

Вопрос о реформе был, казалось, предметом усиленных работ Малого парламента. Проектировалась отмена оммажа для держателей земли; вместо него вводилось лишь признание права держать землю в том случае, если держатель владеет ею от имени такого-то лица. Отменялись произвольные фэйны (fines), вместо них вводились платежи не свыше годовой ренты. Вводились гарантии для оплаты долга, лежавшего на земле; устанавливалась регистрация всякого рода земельных сделок. Все эти меры носили половинчатый характер и были далеки от превращения английского земельного права в последовательно буржуазное право.

Но вся эта реформа осталась благим пожеланием. Английская революция не создала нового кодекса гражданского права, как она не отменила и десятины, собираемой в пользу официальной церкви. Энгельс заметил, что английский вариант развития права удерживает «большую часть форм старого феодального права, вмести в него буржуазное содержание и даже прямо придав буржуазный смысл феодальному имени». Причины такого странного явления лежат в том, что английский коммерсант становился землевладельцем, а феодальный землевладелец становился коммерсантом. Эти влиятельнейшие прослойки не нуждались в образцовом своде законов буржуазного общества, «придавая буржуазный смысл феодальному имени». В этом большое своеобразие развития земельного права в Англии, развивая, окончательно определившегося в эпоху революции.